

Кузнецова В.П. О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежский сб. Петрозаводск, 1992.

Логинов К.К. Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: III Междунар. конф. «Рябининские чтения». Петрозаводск, 2000.

Минх А.Н. Народные обычаи, поверья, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987.

Никитина Н.А. К вопросу о русских колдунах // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1994.

Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб., 2005.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2008.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Ин-т славяноведения и балканистики / Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 1990.

Щепанская Т.Б. Ведьма // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. М., 2005.

В.А. Попов, Н.А. Добронравин, А.А. Бурыкин

ЭТНИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ XX В.*

Нерешаемость проблемы этничности «теорией этноса» приводит к необходимости ее переосмысления с позиции современных социальных теорий, в частности концептов конструктивизма. Обоснование сконструированного характера этничности, на наш взгляд, позволит повер-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-06-00074а «Новый этногенез: опыт комплексного исследования процессов этнокультурной миксации и конструирования этничности в эпоху глобализации».

нуть исследования этничности к проблематике способов конструирования этнических моделей и интерпретации смысла этнической реальности. Под понятие конструирования этничности могут быть подведены разные явления. Варьирование же содержания данного понятия будет связано с разными состояниями конкретного этноса и окружающих его этносов или социальных групп, а также с разными целеполагающими установками внешних или внутренних «конструкторов» этничности.

Почти бесспорно то, что процесс этногенеза бесконечен и почти не поддается внешнему влиянию, хотя детерминированность этого процесса внешними природными факторами, влияющими на систему средств жизнеобеспечения этноса, не только была возведена во главу угла в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, но и не оспаривалась его противниками. Однако в процессе этногенеза в перспективе внешних влияний явно противопоставляются два состояния: *конструирование нового этноса* и *конструирование, модифицирование, консервирование этничности* с вниманием к иным, более ранним, архаическим состояниям этнической культуры, обусловленное неравномерностью эволюции этнической культуры в разных территориальных формах или социальных состояниях. Вот почему тема конструирования этничности стала столь популярной в применении к городским этническим группам и этносоциальным картинам мегаполисов.

Конструирование новых этносов представляет собой ту реальность, с которой вплотную соприкасаются этнографы и социологи (политологи, судя по всему, еще не осознали важность и значимость отмечаемых процессов и возникающих при этом социальных контроверз). Интересные примеры конструирования новых этносов — это судьбы и освещение исторических и этносоциальных процессов у долган Таймыра, а также у малых групп, представляющих русское старожильческое население Восточной Сибири: русскоустыинцев, колымчан, камчадалов, чуванцев.

Обособленная тюркоязычная группа долган отделена от языковой метрополии административно и находится в ином этническом окружении (эвенки, энцы, нганасаны, ненцы), т.е. долгое время пребывает в иных этнических оппозициях, нежели саха-якуты. Компактные группы русскоговорящего населения на Арктическом и Охотском побережье, а также в бассейнах Колымы, Индигирки, Анадыря, отчетливо противопоставлялись коренным жителям регионов — юкагирам, чукчам, эвенкам, корякам, ительменам.

Между тем массивный приток русскоговорящего населения, не являющегося носителем традиционной восточносибирской культуры

во всех ее вариантах, в сочетании с исходящим извне требованием этнической определенности привел к тому, что данные группы стали не только осознавать себя как отдельные этнические общности, но и требовать статусности, равнозначной той, которую имеют все остальные народы, формирующие этнические оппозиции как коренные народы региона.

О том, что русское население Анадыря, иногда называвшееся анадырщиками, еще на рубеже 1920–1930-х годов вспомнило этноним «чуванцы» и объявило себя таковыми, хотя и на правах потомков, успел написать еще В.Г. Богораз в своем романе «Воскресшее племя» [1935]. В основе признания культуры этих групп особой этнически специфизированной культуры лежит не язык (специфика языка русскоговорящих групп Сибири не выходит за рамки диалектного варьирования русского языка), а именно констатация отличий хозяйства и быта данных групп от приезжего населения и даже сельского населения других регионов России.

Полагаем, что процессы конструирования этничности описанного типа обусловлены либо сопровождаются рядом факторов: культурной спецификой, продолжительным периодом проживания на данной территории, спецификой (пусть и мозаичной, полигенетичной) хозяйства и социальной организации, конфессиональной идентичностью, противопоставляющей их другим народам региона, наличием или формированием определенного названия, самоназвания группы или превращения в самоназвание какого-то другого наименования данной группы.

Конструирование этничности в нестабильных состояниях этноса, в условиях значительной территориальной и социальной дифференцированности отдельных групп, разнообразных форм двуязычия, дифференцированных по возрасту и образовательному уровню, в особенности для поздних состояний традиционной этнической культуры, которые можно было бы назвать «*праздничным*» (компоненты традиционной культуры актуализируются в связи с определенными событиями, календарными датами или сезонами) и «*музейным*», когда специфика былой этнической культуры уходит из быта, — это совершенно иное множество процессов.

В ходе такого конструирования этничности, например в городской диаспоре, в принципе возможно установление внутренних связей между представителями диаспоры с одновременным дистанцированием всей диаспоры от других этнических и этносоциальных сообществ. Однако нельзя не видеть того, что в искусственной интродукции уходящих состояний традиционной этнической культуры в современное поли-

культурное общество мы реально наблюдаем «шаг назад» в эволюции региональной или общегосударственной культуры.

Яркий пример — насаждение русских терминов родства и свойства в современный узус, в котором русский язык реально имеет статус языка межэтнического и межгосударственного общения. Подобное влияние на язык, мотивированное защитой культурных интересов и стремлением к просвещению, в данном случае может иметь и имеет прямо противоположный результат — активное неприятие некоторых культурных конструкций или концептов.

Следует также отметить, что в течение XX в. возникновение и исчезновение государств и других территориально-политических образований сопровождалось устойчивым интересом «верхов» к этнической проблематике. Фактически обязательным элементом государственной политики повсеместно стало прямое или косвенное этническое планирование и конструирование. В некоторых случаях оно осуществлялось внешними силами исходя из конкретных политических соображений (например, в Австрии и Югославии после Второй мировой войны, в ходе обменов населения в Европе после Первой и Второй мировых войн).

Важным элементом этнического планирования была и остается разработка терминологии. В XX в. государственная политика оказала определяющее влияние на употребление многих этнонимов. В качестве примеров можно привести ограничения на использование этнонимов «русские» (отождествление этого этнонима с вытесненным из употребления названием «великороссы»), «немцы» и др.

Одновременно усилиями «сверху» создавались новые этнонимы. Создание этнонимов могло осуществляться на «исторической» основе («хакасы», «уйгуры», «ассирийцы», упомянутые выше «чуванцы»). Другой (более распространенный) способ создания этнонимов был связан с изменением значения катойконимов (этнонимы на «географической» основе — «белорусы», «боснийцы», «косовары»). Во многих случаях, хотя и не всегда, этническое планирование переплеталось с языковым («один народ = один язык»). Реже подчеркивалось религиозное единство этноса (боснийцы).

Разумеется, не всегда новый этноним оказывался достаточным для изменения этнического самосознания. Если этноним не получил массового распространения (именно как этноним), зародыш этноса может и не развиваться. Интереснейший пример такого рода — неудачная попытка стимулировать создание еще одного восточно-славянского этноса, полешуков, в 1980–1990-х годах.

По-видимому, именно знакомство с практикой этнического планирования привело к тому, что в научной среде появилась тенденция к абсолютизации искусственности этноса, т.е. рассмотрение его как конструкта, поддающегося «деконструкции» по воле политиков или этнографов (например, в работах Ж.-Л. Амселя). Такая абсолютизация, очевидно, так же ошибочна, как и широко распространенное представление о «вечной жизни» этносов, которое опровергал в своих работах Л.Н. Гумилев.

Вместе с тем трайбализм и клановость, например в Тропической Африке, бесспорно во многом отличаются от того, что можно наблюдать в российской действительности. Однако и сходства сегодня обнаруживаются не меньше, прежде всего из-за общих тенденций развития в прошлом столетии.

В XX в. в странах Африки южнее Сахары и в бывшем Советском Союзе почти одновременно была проведена принудительная «этнификация» всего населения. В СССР оно классифицировалось по «паспортной» национальности, в странах Африки — по «племеню». В первом случае жителей страны дополнительно разделили на нации, национальности и народности, во втором — на племена, их подразделения (*sub-tribes / sous-tribus*) и кланы. И в Советском Союзе, и в большинстве африканских стран коренные / туземные народы, официально признанные властями, обычно имели «свою» территорию с достаточно четко очерченными границами.

Многие современные народы постколониальной Африки и постсоветской Евразии представляют собой именно «колониальные племена» и «советские национальности», созданные в процессе национально-административного строительства. Формирование этих народов напрямую связано с колониальной и советской модернизацией. Как заметил известный американский антрополог И. Копытов,

«модернизация часто сочетается с политической независимостью, усиливающейся борьбой за ресурсы государства, большим влиянием западных идей и усиливающимся акцентированием этнического представительства. Результатом является возникновение целостных этносов в полном (западном) смысле этого слова» [Копытов 2002: 249].

Пребывание под властью государства, нацеленного в основном на эксплуатацию ресурсов, способствовало усилению экономической роли этничности.

За несколько десятилетий и африканские «племена», и народы Советского Союза превратились в квазигосударственные образования. И. Копытов писал о процессе колониальной модернизации:

«К XX в. племя стало смешиваться с понятием этничности в таких районах, как Африка. В чистом виде племя, или этническая общность, представлялось одновременно как культурная, языковая и даже биогенетическая единица, имеющая общие исторические корни и заслуживающая политического признания. Если, обладая всеми вышеперечисленными признаками, общность не являлась государством, то она воспринималась в качестве естественного претендента на статус государства» [Там же: 239].

В этом описании многое напоминает те народы, которые в Советском Союзе именовались «социалистическими нациями и народностями».

К концу XX в. более 50 новых государств возникло на месте семи колониальных империй в Африке и около 20 — на территории бывшего Советского Союза. С самого начала их самостоятельного развития были заметны различия между постколониальными и постсоветскими странами. И те, и другие за редким исключением возникали в границах прежних административных образований. Однако в постколониальной Африке, в отличие от постсоветского пространства, мало государств, в которых и численно преобладает, и политически доминирует какая-либо одна этнолингвистическая общность.

Это объясняется прежде всего тем, что в африканских владениях европейских держав почти всегда объединялось несколько «колониальных племен». Кроме того, африканские националисты обычно боролись за независимость отдельных колоний, но не одного лишь своего народа («племени»). Африканский национализм был связан с борьбой за объединение разрозненных «племен» в одну нацию (нигерийскую, ангольскую и т.п.), а для сторонников панафриканизма — и за сближение всех африканцев. Напротив, в постсоветских странах национализм не объединял, а сеял рознь между народами.

Тех, кто добивался раздела своей страны по этническому принципу либо абсолютного доминирования одного из населявших ее народов, в постколониальной Африке именовали трайбалистами, а в Советском Союзе и в некоторых странах постсоветской Евразии — националистами.

Обычно в качестве важнейшей причины сепаратизма в Тропической Африке упоминают этнический фактор. Это определение может быть

принято, но с уточнениями. Как правило, стремление к сецессии было фактически связано не с «вечными» межэтническими противоречиями, а с формированием новой постколониальной этничности.

Например, независимость Кабинды, за которую выступают сторонники ее независимости от Анголы, трудно обосновать при помощи аргументов, восходящих к доколониальному периоду. К XV в. обширный регион, включавший весь север современной Анголы, соседние области современных Республики Конго (Конго-Браззавиль) и Демократической Республики Конго (Конго-Киншаса), входил в состав королевства Конго, как его называли португальские мореплаватели и миссионеры.

По мнению португальцев, Конго подчинялись вассальные королевства, княжества, герцогства, маркизаты и сеньории. Сами африканцы использовали другие названия территорий и правителей, но в общении с европейцами именовали себя королями, герцогами или маркизами. Все они признавали сакральный авторитет короля (маниконго, или неконго), пребывавшего в Мбанза-Конго (Сан-Салвадор) на севере современной Анголы. Территория нынешней Кабинды включала районы, зависевшие от королевств Лоанго (с центром в современном Конго-Браззавиль), Какойо (с центром в соседнем Конго-Киншаса) и Нгойо, а также земли майомбе [Томановская 1980: 22–23]. Несмотря на различия и конфликты между политическими образованиями, их население сохранило этническое единство. Потомки жителей древнего Конго образуют этническую общность, известную под названием баконго.

От соседних районов двух Конго и севера Анголы население Кабинды не отличается и по родному языку. Доминирующий язык региона — киконго, различия между диалектами не настолько значительны, чтобы служить основанием для лингвистического раскола общества. Более существенным является противопоставление по европейскому языку бывшей метрополии. Оба Конго используют в качестве государственного французский язык, тогда как в Анголе, включая Кабинду, этот статус имеет португальский, т.е. по территории, населенной баконго, проходит граница, разделяющая франкофонный и лузофонный регионы Африки.

Колониальные границы и колониальная языковая политика привели к дезинтеграции региона, населенного баконго. За воссоздание единой государственности или автономии для всего этноязыкового ареала баконго выступали партия АБАКО в бывшем Бельгийском Конго и ангольское движение ФНЛА. Несмотря на бесспорные этнолингвистические и исторические доводы, объединение всех баконго в одной стране не было достигнуто. Причину неудачи, вероятно, следует видеть не столько в прочности границ, сколько в политических тенденциях и стремле-

нии большинства политиков к власти в «своих» государствах, двух современных Конго и Анголе.

В качестве объяснения устойчивости большинства государств современной Африки южнее Сахары иногда предлагают «дробность этнического состава» и «отсутствие в большинстве из них так называемого доминирующего этнического ядра». Не было государствообразующих этносов, «отделяться было не от кого», и потому, «несмотря на интенсивность этнических конфликтов, всегда инициируемых верхушечными слоями африканского общества, Африка избежала этнополитического передела» [Африка: власть и политика 2004: 186–187].

Такое объяснение нельзя признать убедительным. Оно не позволяет понять, почему борьба за отделение была успешной в Эритрее и Южном Судане. Вероятно, можно говорить об амхарском «этническом ядре» в Эфиопии до 1991 г., но и тогда в этой стране существовала «дробность этнического состава».

Судя по развитию ситуации в Эритрее, непризнанном Сомалиленде, а также в Южном Судане (а ранее — в Биафре и Катанге) конфликты, создающие угрозу сецессии, имеют в своей основе колониальное администрирование и не зависят напрямую от этнической ситуации. Данное утверждение имеет прогностическую ценность, поскольку позволяет определить возможные зоны напряженности в будущем.

Библиография

- Африка: власть и политика. М., 2004.
Богораз В.Г. Воскресшее племя. СПб., 1935.
Копытов И.Г. Процесс этногенеза в Юго-Западном Конго-Заире: возникновение этноса суку // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. М., 2002. С. 234–250.
Томановская О.С. Лоанго, Какойо и Нгойо. М., 1980.